Филимонов Анатолий Васильевич, *кандидат исторических наук,*
профессор Псковского государственного университета (Псков)

«Постановление о моем выселении совершенно неправильно…» (Эпизод из жизни Опочецкого уезда середины 1920-х гг.)

В середине 1920-х гг. Советская власть нанесла новый после 1917 г. удар по «классово-чуждому элементу», приступив к выселению из «бывших гнезд» дворян и других представителей зажиточных слоев населения. После революции многие «бывшие», не покинувшие своих «насиженных мест», получили по установленной норме земельные наделы и должны были обрабатывать их своими силами, приспосабливаясь к новым условиям жизни. И вот теперь власть решила сделать второй шаг по окончательному искоренению «проклятого прошлого», т.е. выселить остававшихся в бывших имениях представителей свергнутых классов. Проводилась кампания по выселению в течение 1924-1926 гг. в несколько этапов: в течение апреля-ноября 1924 г. на местах работали и выносили постановления комиссии уземотделов совместно с ГКК-РКИ, в декабре 1924 – марте 1925 гг. – комиссии Губземуправления, работавшие по директивам Наркомзема, а с 20 марта 1925 г. по сентябрь 1926 г. – комиссия Губисполкома, утверждавшая решения нижестоящих инстанций и рассматривавшая жалобы, поступившие во ВЦИК.[1]

В последнюю инстанцию после вынесения решений на местных уровнях обращалось немалое число «бывших», и до решения вопроса во ВЦИК они продолжали оставаться на местах. Как правило, решений типа «Оставить как социально безвредный элемент», выносилось крайне мало, в основном же рассмотрение заканчивалось резолюцией «выселить» с мотивировками: «враждебно настроен к Советской власти», «эксплуатирует чужой труд», «окружающее крестьянство настроено против него», или же просто как «нетрудовой элемент» и т. п. Исключение делалось чаще всего для тех, у кого родственники или они сами служили в советских учреждениях или в Красной Армии, пользовались добрым расположением окрестного населения, лояльно относились к Советской власти, родственников за границей не имели и т. д.

Кампания по выселению коснулась всех уездов Псковской губернии, в том числе Опочецкого, который к тому же был пограничным, поэтому решения здесь принимались наиболее жесткие. При этом выселялись не только бывшие помещики из прежних имений, но и зажиточные горожане, и не всегда, как оказывалось на поверку, «приговор» был справедливым. Типичным примером является случай с «бывшим помещиком» Карлом Георгиевичем Эйнбергом, владевшим

недвижимостью в имении деда – Хрулево, где вместе с ним проживала семья его двоюродного брата Петра Августовича Буша, поэтому вопросы о судьбе их решались в нераздельности.

В специальной анкете, составленной в начале 1925 г., отмечалось, что по социальному положению они мещане, имевшие до революции 228 дес. земли, а теперь – только 5 дес., к которым в 1922 г. добавились три покоса. После проведенного в 1921 г. землеустройства и оформления землепользования хозяйство являлось, по существу, хуторским, в котором имелись лошадь, корова и теленок. Была проведена также опись имущества, среди домашних вещей, например, значились: два шкафа, пять столов, два кресла, стенные часы, рояль (испорченный), три жестких дивана, буфет, три зеркала, швейная ножная машинка и пр., после чего 12 февраля 1925 г. Эйнбергу и Бушу было объявлено постановление уездных властей об их выселении, как «бывших крупных землевладельцев».

Они сразу же попытались оспорить принятое решение, написав заявление в Опочецкий уисполком и указав следующее: «Имение принадлежало до революции Якову Петровичу Шмидту, деду, у которого был сын, в родстве с ним была наша мать. Петр Буш по происхождению крестьянин бывшей Лифляндской губернии, мелкий арендатор, собственности никакой не имел, после смерти отца пришлось явиться к родственнику, Якову Петровичу Шмидту, и разными путями изыскивать себе пропитание – сначала в качестве пастуха, а потом батрака, получая самое необходимое. В таком положении дожил до революции, гражданин Шмидт умер, сын – наш дядя, тоже умер, в конце 1918 г. мы получили здесь надельную землю. Буш сразу же был мобилизован в Красную Армию, был на Польском фронте, в бою был ранен, в 1922 г. был откомандирован на командные курсы в Петергоф, получил звание краскома и только в июне 1924 г. прибыл из Красной Армии домой в совершенно расстроенном здоровье.

Гр. Эйнберг – сын безземельного мещанина г. Опочки, мелкий арендатор, уроженец Себежского уезда, до 10-летнего возраста в Хрулеве не находился, отец предложил деду взять часть моей платы за обучение, взамен я, пятилетний ребенок вынужден был во время летних каникул работать на гр. Шмидта, – предложение это принял, и попал в Хрулево в качестве батрака вместе со своим братом. Окончив Опочецкое городское училище, я постоянно работал у деда до 1915 г., когда был призван в армию и прослужил военным писарем до 1917 г., после этого в 1918 г. демобилизовался и поступил на службу в Жадрицкий волостной военкомат переписчиком, затем делопроизводителем, служил до 1 октября 1922 г., уволился,

т. к. в семье не было ни одного трудоспособного члена… Мы никогда не относились к крупным землевладельцам».

Несмотря на убедительные доказательства, на службу Буша в Красной Армии, а Эйнберга – в советских учреждениях, уездная комиссия 19 мая 1925 г. приняла постановление выселить обоих, в все хозяйственные постройки, живой и мертвый инвентарь изъять.[1] 22 декабря 1925 г. губернская комиссия по выселению бывших помещиков утвердила постановление Опочецкой комиссии «о выселении гр. Эйнберга Карла Георгиевича и Петра Августовича Буша из имения Хрулево Опочецкой волости», несколько изменив его и приняв следующее решение:

«Гр. Эйнберг Карл по происхождению мещанин, Буш Петр – крестьянин. До революции проживали у своего деда гр. Шмидта, который являлся владельцем имения Хрулево, в коем значилось 350 дес. В настоящее время Эйнберг и Буш продолжают жить в бывшем владении деда, не оформив землепользования. По имеющимся в деле данным видно, что Буш Петр продолжительное время служил в Красной Армии, а Эйнберг Карл с 1919 по 1922 гг. служил делопроизводителем военного отдела при Жадринском волисполкоме…», но несмотря на это, «учитывая, что гр. Эйнберг и Буш до революции являлись наследниками крупного землевладельца, в настоящее время продолжают жить в бывшем имении, не оформив права на землепользование, признать необходимым произвести выселение Эйнберга с семьей из бывшего имения Хрулево, оставить на месте ввиду продолжительного пребывания в рядах Красной Армии гр. Буш с семьей».[2]

После этого Эйнберг в целях «восстановления истины и правды» обратился во ВЦИК. Его обращение, обнаруженное в архивных фондах, интересно тем, что представляет собой редкий пример документальных подробностей, дающих представление о жизненном пути одного из «бывших», и самой процедуре выселения по надуманным обвинениям, вдобавок – человека с латышскими корнями. Итак, К. Г. Эйнберг писал: «Мой отец, безземельный крестьянин Латвии, гонимый нуждой и подвергаемый баронским притеснениям и гонениям, как сотни других, выехал в 1875-80 гг. в Россию в поисках лучшей жизни.

Будучи прописанным в г. Опочке безземельным мещанином, мой отец работал некоторое время батраком, упорным трудом добился возможности взять в аренду небольшую мельницу в Себежском уезде, Первомайской волости, д. Ступино.

Обремененный многочисленным семейством (отец имел 12 чел. детей, из которых уже во взрослом возрасте умерло 8), отец только личным трудом мог

прокормить всех детей, об учении нечего было и думать. После посещения школы в течение трех лет я должен был бросить ученье, т. к. у отца не было средств продолжить посылку меня в школу, тем не менее я имел большое желание учиться. Отец отдал меня в работники к моему деду, тоже крестьянину, который приобрел через Тульский поземельный банк в рассрочку на 43,5 года крупный участок земли в имении Хрулево.

Работал у деда по материнской линии гр-на Шмидт летом, а зимой учился в городском училище, которое окончил в 1913 г., после чего также работал до 1915 г., когда был мобилизован на военную службу. С этого времени мои отношения с д. Хрулево были покончены. Вся моя вина, таким образом, состояла в том, что я работал несколько лет, т. е. во время ученья по воле отца у гр-на Шмидт, крупного собственника. В 1917 г. я вернулся к отцу в д. Ступино, где жил некоторое время. После этого поступил на службу в Жадринский волостной военкомат, и работал с 1918 по 1923 г.

Когда в 1919 г. проводилась полная социализация земли, мне был предоставлен надел земли в бывшем имении Хрулево, в 1,4 дес., необходимые постройки были куплены в рассрочку от УЗУ, а остальные постройки проданы другим гражданам на таких же условиях. Впоследствии на семью было дано в трудовое пользование еще 3 дес. земли из запасного фонда. Во время наделения землей окрестной деревни мне было предложено получить норму земли по месту жительства отца, но т. к. имение Хрулево находилось поблизости от места службы, то я просил дать мне от последнего. Таким образом я жил и обрабатывал выделенный мне участок личным трудом до января 1926г.

В феврале 1925 г., к моему удивлению, Опочецкое УЗУ произвело опись моего имущества на предмет выселения меня, как помещика или крупного землевладельца, каким я сроду не был. В том же 1925 г. сгорел жилой дом. Путем частичной продажи инвентаря мною была построена новая изба. В январе 1926 г. мне объявлено о выселении, как бывшего помещика, в силу декрета ВЦИК от 20 марта 1925 г.

Полагая это недоразумением, я подал в Псковскую губернскую прокуратуру заявление о пересмотре дела, были приложены документы, удостоверяющие, в чьем ведении находилось имение Хрулево, каким путем оно было приобретено, и подписи односельчан о том, что я владельцем имения никогда не был. Губпрокуратура в просьбе отказала, объяснив тем, что я, как внук по матери умершего в 1918 г. деда, мог быть наследником части имения. Но у деда был свой сын, прямой его наследник, имение в 1919 г. было национализировано. Как в таких

условиях я мог стать владельцем? Почему-то прокуратура считает, что наследником мог стать именно я, а не все остальные 7 внуков владельца Шмидта (не помещика, а кулака из крестьян). Я ведь никак не могу быть ответственным за то, что мой родственник был крупным земельным собственником.

Несмотря на мои просьбы, в марте 1926 г. мне было предложено выехать из своего надела, что я и сделал. В довершение всего 9 сентября 1926 г. мне предложено Опочецкой уездной милицией выехать из пределов Псковской и Ленинградской губерний, как бывшему помещику.

Обращаясь с настоящей жалобой во ВЦИК, заявляю, что постановление о выселении совершенно неправильно, прошу затребовать все дело со всеми документами и предыдущими жалобами, и сделать срочное распоряжение Опочецкому УЗУ об отмене постановления о выселении, восстановлении в правах трудящегося…».

К заявлению К. Г. Эйнберг приложил 10 различных документов, в том числе: 1) удостоверение Лобовского сельсовета, заверенное Опочецким волисполкомом, о том, что до 1919 г. никакой земельной собственности не имел; 2) удостоверение того же сельсовета о том, что чужого труда не эксплуатировал и пользуется хорошей репутацией в районе; 3) удостоверение Опочецкого волисполкома о том, что ни в каких выступлениях и ни в чем осудительном замечен не был; 4) удостоверение Первомайского волисполкома о том, что мой отец никакой земельной собственности не имел; 5) справка о несудимости; 6) ведомость, что при выселении у меня отчуждено имущества на 77 руб. 50 коп.; 7) запродажная запись на купленные мною от УЗУ постройки; 8) справка о том, что мой шурин добровольно служит в рядах Красной Армии; 9) справка о моей пятилетней службе (подлинная аттестация сгорела в 1925 г.) в Жадринском волисполкоме; 10) запродажная запись (документ от 2 февраля 1924 г.) д. Хрулево Жадринской волости.[3]

Казалось бы, К. Г. Эйнберг привел убедительные, документально подтвержденные аргументы в пользу того, что никаким помещиком (даже в прошлом) он не являлся, повышенного (сверх установленной нормы) земельного надела не имел, а выделенный по закону обрабатывал собственным трудом, находился вдобавок на советской службе, родственник служил в Красной Армии, отношения с окрестными жителями были нормальными и т.д., т.е. по всем данным выселению не подлежал. Насторожило, может быть, представителей УЗУ наличие у него в Хрулеве добротных хозяйственных построек, национализированных при вынесении решения о выселении: деревянного скотного двора размером 5х4 м,

бани (3х2 м), гумна и рея, но при этом баней и гумном он пользовался наполовину (вторая половина принадлежала гр-ну Бушу). Возможно, и посчитали чиновники его при этом «капиталистым крестьянином», к тому же имевшим латышские корни, а потому не заслуживающим доверия оставаться на прежнем месте поблизости от государственной границы. В конечном счете решение о выселении К. Г. Эйнберга было оставлено в силе, ему пришлось оставить Хрулево и поселиться в Опочке по адресу ул. Урицкого, д. 5, а 16 сентября того же года покинуть и пределы губернии, отправившись в Тверь.[4]

Примечания

[1] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-203. Оп. 3. Д. 183. Л. 1-2, 5-6.
[2] ГАПО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 139. Л. 192 об; Оп. 3. Д. 183. Л. 12.
[3] ГАПО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 385. Л. 10; ГАПО. Ф. Р-203. Оп. 3. Д. 183. Л. 29-31.
[4] ГАПО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 397. Л. 52-54, 61, 64; Ф. Р-203. Оп. 3. Д. 183. Л. 33, 46.